Библіографія.

Бѣлорусское Полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ М. Довнаромъ-Запольснимъ Вып. I. Пѣсни пинчуковъ. Съ приложеніемъ карты сѣверной части уѣзда и статьи о говорѣ. Кіевъ 1895 (изъ „Унив. Изв.“), стр. XXVIII+203.

Заглавіе книги—довольно странно.

На стр. XXVII авторъ говоритъ: «Пинскій говоръ относится къ группѣ говоровъ сосѣднихъ губерній (т. е. Волынской и Гродненской). Группу этихъ говоровъ можно назвать полѣсскою. *Ея малорусская основа не подлежитъ сомнѣнію...* Слѣдуетъ еще прибавить уже высказанный мною (на многихъ страницахъ раньше) выводъ о границахъ говора съ бѣлорусскими: на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ онъ *отдѣляется отъ бѣлорусскихъ болотами и прекращается круто;* на востокѣ, на Горыни, переходъ менѣе замѣтенъ, но за Горынью уже господствуетъ бѣлорусское нарѣчіе не безъ *вліянія* однако пинскаго».

Спрашивается послѣ этого: почему же книга названа «*Бѣлорусское* Полѣсье»?!

Странное заглавіе не мѣшаетъ, конечно, быть труду г. Довнаръ-Запольскаго въ высшей степени цѣннымъ вкладомъ въ этнографію. Пинскій уѣздъ до сихъ поръ былъ областью, чрезвычайно мало изслѣдованной какъ въ этнографическомъ, такъ еще болѣе въ филологическомъ отношеніи: теперь, послѣ изслѣдованій г. Довнара, занявшагося преимущественно *пограничными* мѣстностями Пинщины и уяснившаго границы ея съ Бѣлоруссіей, она ужъ не можетъ считаться terra incognita. Чтобы понять значеніе книги г. Довнара-Запольскаго, достаточно привесть заглавія отдѣльныхъ рубрикъ:

OCR by Інститут високих технологій КНУ імені Тараса Шевченка http://iht.univ.kiev.ua

1) Введеніе (стр. I—VII),—въ немъ авторъ не только излагаетъ тѣ принципы, по которымъ произведены изслѣдованія и редактированъ сборникъ, но разсыпаетъ также немало интересныхъ этнографическихъ сообщеній (каково, напр., народное дѣленіе *всѣхъ* пѣсенъ по временамъ года). 2) Говоръ Пинчуковъ (стр. VIII—XXVIII)—статья, очень цѣнная по даннымъ. 3) Пѣсни обрядовыя (стр. 1—52), съ приложеніемъ описанія свадьбы въ пинскомъ уѣздѣ (135—141), и 4) пѣсни необрядовыя (озаглавлены: «Пѣсни лирическія», — стр. 52—135). Записи, понятно, сдѣланы фонетически и часто провѣрены вторично. Желаніе дополнить скудныя свѣдѣнія о границахъ полѣсскихъ говоровъ побудило г. Довнара-Запольскаго помѣстить въ приложеніи двѣ записи не изъ собственной пинщины: одну—изъ мозырскаго уѣзда, другую—изъ Гродненскаго (стр. 141—157). Ко всему этому матеріалу сдѣланы необходимыя и важныя слѣдующія добавленія: а) примѣчанія къ пѣснямъ (стр. 157—184), б) словарь (185—194), в) указатель (195—203). Въ примѣчаніяхъ отмѣчаются многочисленные варіанты къ каждой пѣснѣ, напечатанные въ различныхъ сборникахъ малорусскихъ, бѣлорусскихъ, великорусскихъ, польскихъ, литовскихъ и др., и указываются существующія этнографическія изслѣдованія и замѣтки по поводу каждой пѣсенной темы, на языкахъ русскихъ и иностранныхъ; г. Довнаръ-Запольскій отличается огромной этнографической начитанностью, прекрасно знакомъ съ самыми мелкими сборниками и статьями въ повременныхъ изданіяхъ, и этотъ отдѣлъ его труда послужитъ большимъ подспорьемъ для послѣдующихъ нашихъ этнографовъ. Съ большой похвалой надо отозваться и объ указателѣ, цѣль котораго, по словамъ автора (стр. 194),—намѣтить матеріалъ, какой представляютъ пинскія пѣсни для изученія пріемовъ народнаго творчества; такимъ образомъ здѣсь отмѣчены общія мѣста, образы, эпитеты и пр., а также и нѣкоторыя наиболѣе интересныя культурно-бытовыя темы пѣсенъ. Иныя статьи указателя—это цѣлыя изслѣдованія; такова напр., статья «Запѣвы».

Понятно, что книга г. Довнара-Запольскаго заслуживаетъ наибольшихъ похвалъ и признательности этнографовъ и діалектологовъ. Мѣсяцъ тому назадъ Московское Императ. Общество Любит. Естеств., Антроп. и Этногр. присудило ей премію имени вел. к. Сергія Александровича. Но нельзя скрыть, что въ трудѣ почтеннаго этнографа есть нѣкоторые очень непріятные и нежелательные промахи. Авторъ—практическій знатокъ діалектовъ, но вовсе не филологъ и не грам-

OCR by Інститут високих технологій КНУ імені Тараса Шевченка http://iht.univ.kiev.ua

матистъ, и это обстоятельство невыгодно отразилось въ обработкѣ матеріала. Говорятъ, что съ практической точки зрѣнія очень хорошо и полезно—быть мало знакому съ грамматикой. Даль, напримѣръ, гордился своимъ незнаніемъ и боялся, что изученіе грамматики въ концѣ концевъ повредило бы его естественому чутью языка. Но если все это и такъ, то оно хорошо только до тѣхъ поръ, пока этнографъ занятъ собираніемъ сырого матеріала: а какъ скоро онъ желаетъ дать ему подобающую обработку, то тутъ ужъ не обойтись безъ филологіи. Г. Довнаръ-Запольскій излагаетъ свои (очень цѣнныя) сообщенія въ такой формѣ, которая иногда и очень часто вызываетъ улыбку. Напр. будущее время «вечерятиму» неопр. накл.+всиомог. глаголъ) образовано, по его мнѣнію, съ помощью «суффикса м» (стр. XXIII) «Очицами» (тв. пад. множ. ч.) онъ понимаетъ какъ *двойствен.* число (стр. XXII). Мѣстоименіе «тый» (изъ тъ+и) якобы происходитъ изъ «тотъ» (тъ+тъ, удвоенная форма). Историческаго взгляда на происхожденіе формъ и звуковъ у г. Довнара-Запольскаго совсѣмъ нѣтъ, и очень часто онъ архаизмы производитъ изъ фактовъ современныхъ, новѣйшихъ: напр., «заутра» изъ «завтра», «сватымъ» (гал. «сватім», дат. множ., церк.-слав. сватомъ)—изъ «сватамъ» и т. д., или наоборотъ—видитъ архаизмы тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Приводя пинское произношеніе: уге, скогы, кага (=уже, скажы и—? каже или коза?), онъ говоритъ, что здѣсь звукъ ꙁ остался безъ смягченія (стр. XXVI); замѣчаніе это не понятно, потому-что здѣсь вѣдь слышится звукъ г, а не ꙁ; если же авторъ хотѣлъ сказать, что современное, «уге» есть архаизмъ сравнительно съ «уже», то это мнѣніе не вѣрно, такъ-какъ противорѣчитъ показаніямъ исторіи языка. Произношеніе «уге» (равно какъ слободское «каэ» вм. «каже» или галицкое «хлоэ» вм. «хлопче») обусловлено небрежностью или желаніемъ сдѣлать облегченіе для языка; въ кіевской губерніи тѣхъ, кто произноситъ «каэ», «невге» и т. п., народъ называетъ «гугнывымы», или «хнякамы», т. е. гнусящими. Звукъ ы въ «уломыты» г. Довнаръ-Запольскій объясняетъ изъ «а» въ «уломаты», т. е. видитъ здѣсь явленіе фонетическое; а оно—морфологическое! мы имѣемъ дѣло съ двуми глаголами разныхъ классовъ (четвертаго и пятаго). О капитальнѣйшемъ фактѣ исторіи русскаго языка: о паденіи глухихъ гласныхъ и слѣдствіяхъ этого паденія—авторъ разбираемаго труда на имѣетъ повидимому ни малѣйшихъ свѣдѣній, а потому при объясненіи различныхъ фонетическихъ измѣненій звуковъ о и є онъ все время блуждаетъ только

OCR by Інститут високих технологій КНУ імені Тараса Шевченка http://iht.univ.kiev.ua

вокругъ да около; напр., появленіе дифтонга ꙋо въ «жуонка», «туом» и др. онъ сваливаетъ на удареніе, хотя признается, что въ нѣкототорыхъ ударяемыхъ слогахъ (напр., «худоба») звукъ о не переходитъ въ двугласный. Тѣхъ современныхъ звуковъ о и е, которые произошли изъ ъ и ь, онъ не умѣетъ распознать отъ звуковъ о и е основныхъ, и т. д., и т. д. Достаточно и этихъ наудачу выхваченныхъ примѣровъ, чтобы понять, въ какой нежелательной формѣ изложены г. Довнаромъ Запольскимъ его интересныя и цѣнныя сообщенія.

Незнакомство съ исторіей языка вредно отразилось даже на выборѣ транскрипціи. Избравши, напр., букву *е* для обозначенія звука *мягкаго е* (какой слышится въ произношеніи великорусскомъ), г. Довнаръ-Запольскій для обозначенія «особаго *твердаго* звука *е*» взбралъ не букву э, какъ мы естественно ждали бы, но букву *е*,—а вѣдь она издавна означаетъ *е йотованное*! Правда, г. Довнаръ-Запольскій заранѣе оговорилъ это и предупредилъ читателя, какъ слѣдуетъ произносить его букву *е*, и все же съ непривычки очень трудно прочитать начертаніе *тепера* за «*тэпэра*»;—невольно читаешь: *тьепьера*.

Отсутствіе филологическаго чутья и незнакомство съ филологической литературой вредно отразилось и на словарѣ. Въ пѣснѣ № 377 есть фраза: «У крыныци вода велищицца»,—г. Довнаръ-Запольскій ставитъ при послѣднемъ словѣ знакъ вопроса (стр. 62), ясно показывая этимъ, что даное слово для него необычно и не совсѣмъ понятно; и тѣмъ не менѣе (на стр. 185) онъ придумываетъ къ нему даже неопредѣленное наклоненіе! Это неопр. н-ніе онъ пишетъ «велищытыса», причемъ послѣ *е* употребляетъ ужъ не букву *е* (т. е. твердое э), но *е* (мягкое э). На самомъ же дѣлѣ *ве* есть не что иное, какъ предлогъ-частица *вы*; пинское *велищыцца* равно украинскому «вылыщиться» или «вылыскуется» (сверкаетъ, блеститъ), а неопред. н-ніе будетъ «вылыщатыся» или «вылыскуватыся»; есть и простой глаголъ «лыщаты» (блистать, сверкать). Глаголъ «лыщаты», конечно, очень хорошо знакомъ г. Довнару-Запольскому, и если бъ онъ имѣлъ какую-либо филологическую чуткость, то сразу угадалъ бы истинный смыслъ выраженія «вода велищыцца» (выраженія, замѣтимъ, вовсе нерѣдкаго, особенно въ двойномъ соединеніи: «лыщыть»—вылыщыться») и не написалъ бы въ «словарѣ» слѣдующей статейки: «*Велищытыса* (въ № 377: вода велещицца» (какая непослѣдователь-

OCR by Інститут високих технологій КНУ імені Тараса Шевченка http://iht.univ.kiev.ua

ность въ правописаніи! Бѣлоруссы такъ говорятъ о водѣ, когда она стоитъ почти тихо, едва колеблется, тихо плещетъ; припоминается, что приприпятскіе рыбаки употребляютъ этотъ глаголъ, говоря о рыбѣ, когда она слабо бьется на берегу, выброшенная сѣтями». Сколько здѣсь наговорено ненужнаго, лишняго и въ концѣ концевъ все же неточнаго!—Возьмемъ еще другіе примѣры изъ словаря г. Довнара-Запольскаго. Автора затрудняетъ слово «*боровиночка*. Онъ говоритъ: «Боровиночка—боровое зелье, но Пискунову, но по Далю—порода мелкихъ, но хорошихъ яблокъ». Кто правъ, этого и Довнаръ-Запольскій рѣшить не берется. Существуютъ малорусскія слова на—«овина»: «садовына» и «городовына» (на ряду съ «городына»), означающія все то, что растетъ въ саду, въ огородѣ. Существуютъ слова: «польовына», «лисовына»: все что произростаетъ па полѣ, въ лѣсѣ,—отсюда иногда: самое пространство поля, лѣса. Существуетъ наконецъ слово «боровына», которое означаетъ: «все лѣсное, боровое» въ томъ числѣ «весь боръ въ совокупности», «пространство бора». Если г. Довнаръ-Запольскій раньше не слышалъ этого слова, то при малѣйшей филологической снаровкѣ легко догадался бы о его смыслѣ. Впрочемъ я думаю, что почтенный этнографъ даже слышалъ это слово и прежде, только забылъ. Извѣстна малорусская свадебная пѣсня, напечатанная у Чубинскаго IV, 596: «Ой боромъ, боромъ, боровыною, а хто тамъ йиде вечорыною»? Эта пѣсня поется и у бѣлоруссовъ: она приводится въ одной изъ бѣлорусскихъ пьесокъ Дунина-Марцинкевича. Г. Довнаръ-Запольскій, самъ переиздавшій кое-что изъ Дунина-Марцинкевича, навѣрное читалъ эту пѣсню, и хотя слово «боровина» не попало въ бѣлорусскій словарь Носовича, оно должно было бы вспомниться г. Довнару-Запольскому, такъ-какъ записанная имъ пѣсня № 270 очень напоминаетъ ту, которая у Дунина-Марцинкевича. Слово «*жуковына*», попадающееся въ пѣснѣ на стр. 151-й, въ словарь г. Довнара-Запольскаго не внесено, хотя туда внесены такія обычныя слова, какъ «барытыся», «бляха», «бороныты», «брыдкій» и др. Считать «жуковына» очень употребительнымъ словомъ, не требующимъ объясненія, авторъ не могъ, потому-что оно очень рѣдко, а въ бѣлорусскомъ словарѣ Носовича его нѣтъ: приходится думать что, г. Довнаръ-Запольскій, просто не зналъ этого слова. Оно—персидско-арабское и означаетъ «драгоцѣнное украшеніе», но въ старинномъ русскомъ языкѣ оно (сперва въ болѣе правильной формѣ «жиковина», а потомъ въ рус-

OCR by Інститут високих технологій КНУ імені Тараса Шевченка http://iht.univ.kiev.ua

сифицированной «жуковина», какъ будто отъ «жукъ») [1]) обозначаетъ «перстень, въ который вдѣлана драгоцѣнность»; въ такомъ значеніи слово сохраняется до сихъ поръ въ карпатскихъ горахъ, какъ видно, на Полѣсьи. Въ древне-русской литературѣ оно попадается часто.— *Додѣты* объяснено у г. Довн.-Запольскаго какъ «надоѣсть». Это вѣрно. Но по малорусски есть и глаголъ «надоисты» и (безъ предлога) «доисты»; не умѣя разбивать слова на составныя части, г. Довн.-Запольскій говоритъ, что «доила» — это есть прошедшее время къ «додѣты» на ряду съ «додѣла» (стр. 186.)—На стр. 187 интересна одна строка: «*Затяты*(й) (изъ «затнуты»)—тронутый; о деревѣ—надрубленный». Производя «тяти» изъ «тьнути», авторъ, конечно, нарушаетъ ученіе о юсахъ, но нарушаетъ невольно и безсознательно, такъ-какъ (я сужу по переводу «тронутый») онъ и не догадывается о юсовомъ происхожденіи глагола «тнуты», а видитъ въ немъ видоизмѣненіе «ткнуты» (тронуть). Переводъ «тронутый», разумѣется, не вѣренъ или не точенъ: и древнее, и нынѣшнее значеніе глагола «тяты»—именно «рѣзать», «рубить»,—значеніе, которое г. Довнаръ-Запольскій примѣняетъ только по отношенію къ дереву.—Этимологія вообще хромаетъ въ его словарѣ: часто она ложна, а иногда и правильна, да слово подобрано не ближайшее. Напр. сказано: «*Зотхнуты*—вздохнуть, westchnienie вздохъ». Какъ будто нѣтъ ближайшаго слова westchąć»! (Кажется впрочемъ, что Довнаръ-Запольскій владѣетъ польскимъ языкомъ не свободно, и потому нельзя его упрекать, что онъ не вспомнилъ «westchąć»: б. м. онъ его и не знаетъ). Да и къ чему считать «зотхнуты» полонизмомъ? Древняя форма—**възъдъхнѫти**; предлогъ **въз** систематически переходитъ у малороссовъ въ **з** (а у поляковъ **въ** *не* исчезаетъ здѣсь!), такъ что «зотхнуты» (вм. «здъхнути»)—чистѣйшій малоруссизмъ; въ тѣхъ малорусскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ звучные не переходятъ въ отзвучные, до сихъ поръ говорится «зодхнуты» «зидхнуты».—Неполное знакомство съ польскимъ языкомъ и съ малорусскимъ ведетъ не разъ къ неправильному исправленію словъ. На стр. 191 читаемъ: «*Порада*, порадонька—тотъ, съ кѣмъ можно посовѣтоваться; радость, счастье».— На стр. 190: «*Напрыдыу*—собств. на взглядъ», и даже № пѣсни не показанъ! По малорусски «на продыво», «на продывъ», «на придывъ»

---

[1]) Руссифицированная форма „жуковина" привела недавно одного изъ галицкихъ (очень почтенныхъ) филологовъ къ догадкѣ, что первые перстни дѣлались изъ жуковъ. („Записки Наук. Тов. им. Шевч.", V библіогр., стр. 24).

OCR by Інститут високих технологій КНУ імені Тараса Шевченка http://iht.univ.kiev.ua

(а въ полѣсскомъ говорѣ вм. нашего «и» здѣсь «ы», какъ и въ «мый» вм. украинскаго «мій») значитъ «на удивленье» «на заглядѣнье»,—то же, что «на прочудъ». Выраженіе это—обычное и не возбуждающее ни малѣйшихъ сомнѣній. Въ «Пѣсняхъ пинчуковъ» оно встрѣчается въ № 354.—На стр. 193, «*вродлывый*» объясняется «дородный», каковаго значенія слово никогда не имѣетъ.—На стр. 192: «*Тканка*—шерстяная матерія вообще». Почему «шерстяная»? Въ Галичинѣ тканкой называется даже особое головное женское украшеніе, состоящее изъ коралловъ или жемчужинъ. А вообще «тканка» значитъ «ткань». Подобныхъ неточностей у г. Довнаръ-Запольскаго много, и всѣ ихъ приводить незачѣмъ.—Г. Довнаръ-Запольскій повидимому искренно убѣжденъ, что за немногими исключеніями весь лексическій ренертуаръ пинчуковъ—бѣлорусскій, а не малорусскій: множество обычныхъ малорусскихъ словъ объясняются у него по бѣлорусскому словарю Носовича или по бѣлорусскимъ сборникамъ пѣсенъ. Убѣжденіе это проистекаетъ не только отъ недостаточнаго практическаго знакомства съ малорусскимъ языкомъ (такого знакомства мы и не вправѣ требовать отъ спеціалиста-бѣлорусса) но и отъ незнакомства съ малорусскими словарями. Г. Довнаръ-Запольскій знаетъ изъ старыхъ малорусскихъ словарей только тотъ, который изданъ у Житецкаго, а словари Зизанія и Берынды ему неизвѣстны: изъ новыхъ словарей онъ знаетъ только Закревскаго и Пискунова. Оба названныхъ словаря и кратки, и грѣшатъ крупными ошибками, особенно Пискуновскій, гдѣ, напр. «гнеть» (скоро) переведено «другъ» (фраза: «гнеть мылый прыбуде»). Небольшой, но хорошій словарчикъ Манжуры былъ бы гораздо полезнѣе, а кромѣ того—неловко не знать о существованіи большого двухтомнаго (1117 стр.) словаря Желеховскаго!

И такъ со стороны филологической обработки трудъ г. Довнара-Запольскаго заслуживаетъ самыхъ большихъ упрековъ. Это почти единственная слабая его сторона. Говорю «почти», потому-что и способъ распредѣленія пѣсенъ также не заслуживаетъ особенныхъ похвалъ. Пѣсни, по г. Довнару-Запольскому, распадаются на два разряда: А) обрядовыя и Б) лирическія. Какъ будто большинство пѣсенъ обрядовыхъ не такія же лирическія! «Лирическія», необрядовыя пѣсни подраздѣляются у г. Довнара-Запольскаго на девять категорій, причемъ въ основу дѣленія кладется не одинъ, а нѣсколько принциповъ: 1) весеннія, 2) лѣтнія, 3) дожинки, 4) осеннія, 5) зимнія, 6) Филипповскія, 7) женскія, 8) рекрутскія, чумацкія, козацкія

OCR by Інститут високих технологій КНУ імені Тараса Шевченка http://iht.univ.kiev.ua

(въ сущности, это три особыхъ разряда) и 9) разныя. Послѣдняя рубрика («Разныя») особенно ярко свидѣтельствуетъ о несостоятельности всей подобной классификаціи, противной самымъ существеннымъ правиламъ логики. Пора наконецъ покончить съ рутиной! пора наконецъ примириться съ мыслію, что въ основу логическаго дѣленія можетъ лечь *только одинъ* принципъ! А между тѣмъ наши этнографы (по крайней мѣрѣ великорусскіе) непремѣнно желаютъ сочетать въ одномъ дѣленіи хоть два принципа: напр. распредѣлить пѣсни по содержанію и въ то же время не упустить изъ виду ихъ формы, или употребленія въ обрядѣ, въ результатѣ, понятно, получается хаосъ. Юго-Западный отдѣлъ Имп. Р. Геогр. Общества еще въ 1874 году ясно созналъ всю грубую нелогичность дѣленія пѣсенъ на обрядовыя и бытовыя и выработалъ свою особую программу, по которой однѣ пѣсни обрядовыя, напр., колядки, включены въ пѣсни культа, а другія, напр., свадебныя—въ семейныя. (Еще раньше, въ 1854-мъ году, проч. Метлинскій исключилъ свадебныя пѣсни изъ класса «пѣсенъ годовыхъ» и включилъ ихъ въ классъ «пѣсенъ житейскихъ»). По программѣ Юго-Зап. Отдѣла редактированы Лоначевскимъ Буковинскія пѣсни, собранныя Купчанкомъ (Записки Ю.-З. Отд., т. II), и надо признаться, что сборникъ Лоначевскаго стоитъ по своей обработкѣ безусловно выше всѣхъ другихъ этнографическихъ сборниковъ. Можно конечно, кое въ чемъ не вполнѣ согласиться съ классификаціей пѣсенъ Юго-Зап. Отдѣла (я, наприм. предпочелъ бы дѣлить лирическія пѣсни всего на три категоріи: 1) религіозно (иначе культово)-философско-этическія, 2) житейскія и 3) отрицательныя, т. е. скептическія, шутливыя, сатирическія, инсенитныци и т. п.). но принципіально нельзя не соглашаться съ Отдѣломъ. Всѣ возраженія и ссылки на то, что пѣсня важна не только содержаніемъ, но и ея народнымъ употребленіемъ, легко устранятся, если къ сборнику пѣсенъ, расположенныхъ по содержанію, будетъ приложенъ *указатель* употребленія пѣсенъ въ обрядѣ, или даже нѣсколько указателей сообразно возможнымъ нѣсколькимъ дѣленіямъ пѣсенъ по какому-либо тому или иному принципу. Но г. Довнаръ-Запольскій предпочелъ не вводить новшествъ и держаться старинной, хотя и неправильной классификаціи.

А. Крымскій.

OCR by Інститут високих технологій КНУ імені Тараса Шевченка http://iht.univ.kiev.ua